
ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ HISTORICAL SCIENCES

Женщина в российском обществе. 2023. № 4. С. 123—135.

Woman in Russian Society. 2023. No. 4. P. 123—135.

Научная статья

УДК 316.32(091)(470+571)

DOI: 10.21064/WinRS.2023.4.10

ОБЩЕСТВЕННАЯ АКТИВНОСТЬ В СТРУКТУРЕ СВОБОДНОГО ВРЕМЕНИ НЕСТОЛИЧНОЙ СОВЕТСКОЙ ГОРОЖАНКИ В 1950—1960-х гг.

Наталья Львовна Пушкарева¹, Ирина Владимировна Богдашина^{1,2}

¹ Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая,
Российская академия наук, г. Москва, Россия, pushkarev@mail.ru

² Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Аннотация. В статье анализируется уровень вовлеченности жительниц Сталинграда/Волгограда в общественную деятельность в годы хрущевской оттепели (1950—1960-е гг.). Используя сравнительно-исторический и биографический методы, эмпатически вникая в содержание источников личного происхождения, в том числе устно-исторических, авторы сопоставили ожидаемое и реальное в сфере женской общественной занятости, выявили мотивационно-эмоциональную составляющую повседневного досуга нестоличных горожанок в рассматриваемое время. Генерализирована информация о социально-политическом контексте создания женских комитетов, о лишениях и трудностях, с которыми пришлось столкнуться активисткам на пути самореализации вне стен дома. Был сделан вывод о том, что в силу высокой домашней загруженности для большинства женщин общественная деятельность, связанная, как правило, с производственной и партийной работой, представлялась трудноосуществимой, но узкая прослойка особенно неравнодушных к социальной перспективе, обрисованной идеологами того периода, находила время и силы для занятий общественной неоплачиваемой работой. Эта работа могла бы быть сферой социальной политики и сферой ответственности администрации региона, однако решение массы бытовых вопросов было переложено на активисток-общественниц, которые выполняли свою работу, жертвуя часами досуга и отдыха. Спустя годы об этих женщинах респондентки вспоминали с благодарностью.

Ключевые слова: общественная работа, СССР в 1950—1960-х гг., Сталинград/Волгоград, общественницы, женские комитеты

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-01428 «Женская история как основа российского социального оптимизма (нестоличная городская повседневность середины XX века)».

Для цитирования: Пушкарева Н. Л., Богдашина И. В. Общественная активность в структуре свободного времени нестоличной советской горожанки в 1950—1960-х гг. // *Женщина в российском обществе. 2023. № 4. С. 123—135.*

Original article

PUBLIC ACTIVITY IN THE STRUCTURE OF FREE TIME OF NON-CAPITAL SOVIET FEMALE CITIZENS IN THE 1950—1960s

*Natalia L. Pushkareva*¹, *Irina V. Bogdashina*^{1,2}

¹ N. N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, pushkarev@mail.ru

² Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. The article analyzes the level of involvement of female residents of Stalingrad/Volgograd in public activities during the Khrushchev Thaw of the 1950—1960s. Using comparative historical and biographical methods, empathically delving into the content of sources of personal origin, including oral history, the authors compared expected and actual factors of women's participation in public activities, and also identified the motivational and emotional component of the everyday leisure of non-capital female citizens at the time in question. The article generalizes information about the social and political context of the creation of women's committees and the hardships and difficulties that activists had to face on the path of self-realization. It is concluded that, due to the heavy domestic workload, for most women, social activities normally associated with production and party work seemed difficult to implement, but a narrow stratum of those especially not indifferent to the social perspective outlined by the ideologists of that time found the time and energy for unpaid public work. This work could be the area of social policy and the area of responsibility of the regional administration, but a lot of everyday issues were solved by social activists who did their work, sacrificing hours of leisure and recreation. Years later, respondents remembered these women with gratitude.

Key words: social activities, USSR in the 1950—1960s, Stalingrad/Volgograd, social female activists, women's committees

Acknowledgments: this work was supported by the Russian Science Foundation under grant № 22-28-01428 “Women's history as the basis of Russian social optimism (non-capital urban everyday life of the middle of the 20th century)”.

For citation: Pushkareva, N. L., Bogdashina, I. V. (2023) *Obshchestvennaia aktivnost' v strukture svobodnogo vremeni nestolichnoi sovetskoi gorozhanki v 1950—1960-kh gg. [Public activity in the structure of free time of non-capital Soviet female citizens in the 1950—1960s]*, *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 4, pp. 123—135.

Женский быт и советская женская повседневность в годы самых солнечных надежд второго и начала третьего послевоенного десятилетия — тема, до поры до времени мало интересовавшая российских историков. Она получала освещение скорее в зарубежной историографии, но выводы зарубежных коллег о жизни советских женщин в годы хрущевской оттепели — ввиду закрытости части отечественных архивов и сложностей посещения регионов иностранцами — часто отличались заданностью, концентрированностью на негативных чертах и отталкивающих характеристиках деталей и мелочей советской жизни. Ангажированные атмосферой холодной войны, советологи и русисты за рубежом часто делали не выводы, а предположения, основанные на сравнении обыденности женщин в своих странах и советской. При этом любые проявления социального романтизма и энтузиазма представлялись ими как следствие идеологической обработки неокрепших молодых умов [Пушкарева, Жидченко, 2021].

Важность изучения бытового контекста значительных социально-экономических и политических преобразований, красной нитью отметивших вторую половину 1950-х — начало 1960-х гг., была осознана нашими учеными не сразу. Триггером такого осознания стал антропологический поворот рубежа XX—XXI вв., который «очеловечил» исследования профессиональных гуманитариев. Он заставил внимательно присмотреться к жизни поколения, рожденного в годы войны и сразу после нее, чье оптимистичное отношение к жизни сохранили «оттепельный» кинематограф и художественная литература 1950—1960-х гг.

Специальное изучение женского быта востребовано запросом настоящего времени, важностью осознания факторов единства и консолидации российской нации, не менее половины которой всегда составляли женщины. Именно поэтому мы уже не раз обращались к истории повседневной жизни советских женщин во второе послевоенное десятилетие [Пушкарева, Богдашина, 2021; Пушкарева, Жидченко, 2022], но впервые предлагаем обратить внимание на тему их свободного времени — и не столько на привычные и знакомые нам по фильмам и художественной литературе формы тогдашних развлечений и досуга (туризм, художественная самодеятельность, увлечение бардовской песней и т. д.) [Богдашина, 2021], сколько на характерную черту обыденности при социализме — привлечение женщин к общественно полезной работе. Нас интересовало личное отношение женщин к этому факту индивидуальных биографий и оценка ими самими спустя годы тех минут, спрессованных в дни и месяцы, которые были отданы такой работе в их свободное время. В рамках лонгитюдного проекта о женской социальной памяти о «великом десятилетии оттепели» мы уже несколько лет собираем интервью в нестоличных городах России, как промышленных (Салават, Ангарск), так и, например, образованных интеллектуальной элитой (Дубна, Жуковский). Продолжая начатое и применяя историко-антропологические методы реконструкции женской повседневной жизни, мы предлагаем с вышеописанного ракурса рассмотреть особенности женского быта в крупном индустриальном городе — послевоенном Сталинграде (с 1961 г. — Волгоград).

Мало кто из наших предшественников среди российских ученых затрагивал эту тему применительно именно к женской истории. Отчасти рассмотрела ее в своей диссертации Л. Е. Васильева, построившая исследование на материалах Саратовской области конца 1940-х — 1960-х гг. [Васильева, 2004]. Нормативной стороны

дела касалась в своих публикациях Ф. А. Такташева, изучавшая вовлечение женщин в профсоюзную работу, но в центре ее внимания было первое послевоенное десятилетие, 1940-е — начало 1950-х гг. [Такташева, 2012а, 2012б, 2015] — она не затрагивала период «оттепели». Аналогично не касались интересующего нас времени и другие коллеги, избравшие темой своего анализа общественно-политическое участие женщин в жизни Советского государства [Имангалиева, 2013; Минеева, 2020]. Продолжая наработки предшественниц и обращаясь к неизученному хрущевскому десятилетию, важно выявить, каковы были реальные возможности советских нестоличных горожанок в сфере общественной активности, какие трудности они испытывали, как их переживали, пытаясь совмещать несколько социальных и семейных ролей, как учились соответствовать транслировавшемуся тогда идеалу современной женщины. Обращаясь к периоду 1950—1960-х гг., мы ставим целью выяснить, насколько массовым было вовлечение нестоличных горожанок в общественно полезную работу, являлась ли она для самих женщин путем самореализации или же скорее обременением в сложных условиях восстановления города после разрушительной войны.

Общественная мобилизация женщин в послевоенном Поволжье — веление времени

Едва в крупнейшем индустриальном регионе, коим оставалось и после войны Поволжье, встал вопрос о восстановлении разрушенного хозяйства, тут же партийное руководство пришло к выводу, что без привлечения женской части населения к общественной работе не обойтись. Идея не просто возвращения к былому уровню жизни, но именно строительства счастливого будущего оставалась стержневой и подразумевала необходимость формирования нового человека, готового отдавать себя — свое свободное время, свои силы — людям. Вынося первые резолюции областного партактива о том, что «женщины слабо привлекаются к общественной работе», болеющие за дело администраторы пеклись не столько о выдвижении женщин на руководящую работу, сколько о решении поставленных перед ними задач, используя при этом женскую отзывчивость, готовность соучаствовать и помогать, наводя порядок в детских учреждениях, школах, больницах, консультациях, во всех общественных институтах воспитания, образования и здравоохранения [ЦДНВ О, ф. 113, оп. 30, д. 11, л. 319—320].

Задача по вовлечению работниц и матерей во внерабочую и внедомашнюю неоплачиваемую деятельность социальной направленности — так называемую *общественную работу* — была возложена на первичные партийные организации предприятий региона. Горкомы и райкомы обязали организовать женские комитеты (женкомы) при всех предприятиях, фабриках, строительных организациях, чтобы делегировать им ответственность и подвигнуть раззяснять значимость такой бесплатной трудовой деятельности [там же, л. 320—321]. Назначенным секретарям женских комитетов поручалось вникнуть в трактовку задач и характера будущей работы с женским активом, осенью 1949 г. с ними было проведено совещание, на котором обсуждались полномочия и функции новых органов. Ключевым для женских активов было обозначено направление, связанное с работой детских учреждений, вопросами быта, жилищными проблемами, вопросами общественного питания и значимости развития соцсоревнования среди работниц. Несколько меньше

или совсем не говорилось о необходимости защиты женских трудовых прав. Сами женщины — председательницы женкомов разных предприятий, если судить по скупым строчкам отчетов, сразу поняли, «что работа будет очень большая», и надеялись на помощь профсоюзных активов [там же, ф. 71, оп. 10, д. 54, л. 153—162].

Опрошенные женщины неоднозначно оценили роль этих профактивов в жизни своих семей; для одних профсоюз оказал неоценимую помощь, а для других — являлся лишь обязательным ежемесячным взносом: *Профсоюз помогал; мама с папой пользовались путевками от химзавода. Дрова, уголь, детские подарки, даже какие-то продукты — все давали тогда бесплатно. Можно было и пожаловаться, недовольные всегда в профсоюз писали* (прил., А. И., 1948). Общественная работа была бесплатной — но формы поощрения активисток все же существовали, и о них сейчас те, кто был молод в 1950-х гг., вспоминают ностальгически: *Мы получили квартиру двухкомнатную при участии профкома... и путевки были на санаторно-курортное лечение, и в лагерь нас отправляли* (прил., Л. И., 1939).

Обращение к нормативным документам 1950—1960-х гг. заставляет сделать вывод о том, что общественная деятельность работниц не являлась инициативой снизу, но напрямую была связана с партийным и государственным руководством и контролем. Женщинам в их внепрофессиональной деятельности поручалось то, что было продолжением их домашних, бытовых забот, будь то питание в столовой или устройство ребенка в детский сад [там же, л. 161—162, 166], то, что легче было решить действуя сообща. Чтение распоряжений создает впечатление о неинформированности женщин как объектов государственной и партийной заботы о содержании и целях социальной политики в целом, ее финансировании как в региональном, так и тем более в общегосударственном масштабе. Женщины в их воспоминаниях предстали совершенно не интересовавшимися размерами выделяемого на город и область финансирования, но точно знавшими, что за общественную активность — в том же профсоюзе или женском комитете — им «полагалось» что-то бесплатное — от путевок до квартир. Что касается партийного руководства женщинами, то оно предстало в воспоминаниях и документах желавшим не столько разделить, сколько явно переложить свои функции на женщин, как это было и за 30 лет до того, при создании в России первых женсоветов [Каменева, 2014].

Осуществление задачи женской общественной мобилизации развернулось на территории Сталинграда так быстро, что уже к осени 1950 г. в городе действовало 86 женских комитетов, большинство (56) — при парткомах предприятий. Численность женкомов варьировалась; на Сталинградском тракторном заводе женский актив состоял из 160 человек и решал вопросы охраны труда, улучшения торговли и санитарного состояния магазинов, снабжавших рабочих. Женком лесокombината МПС Кировского района города наскоро навел порядок в общежитиях, столовой, организовал курсы кройки и шитья, предоставление помощи малоимущим семьям [ЦДНВО, ф. 113, оп. 33, д. 215, л. 1—3]. Активистки жаловались, что все им приходилось брать на себя, быть инициативными, финансирование же организованных ими мер поддержки малоимущих и предоставления им материальной помощи оставалось мизерным [там же, л. 7]. Иные деятельницы обивали пороги обкома ВКП(б), жалуясь, что, «по существу, забыли об их существовании» [там же, д. 216, л. 6], что им приходится постоянно

«вести работу», собирать женщин на лекции, доклады, беседы, на которых разъяснялась необходимость общественного участия¹.

Понимая, что защита женских интересов и удовлетворение потребностей переданы в руки женских комитетов, активистки старались для других, как для самих себя: добивались большей доступности детских садов, большей содержательности культмассовой работы, помощи в сфере охраны труда [там же, л. 7]. Но похоже, объекты такой заботы — трудящиеся женщины — не чувствовали реальной отдачи от усилий, описанных в отчетах, и полагали, что все это общественное мельтешение не более чем формальность [там же, л. 11].

Работали в активах женкомов (коих в одном городском районе могло быть до полутора десятков и даже больше), а тем более возглавляли их в основном женщины старше 35 лет. Это были главным образом замужние матери повзрослевших детей, добившиеся определенных успехов в карьере (начальницы отделов и цехов) [там же, л. 16—17]. Обычные молодые женщины не видели в них реальных помощниц, до конца понимавших сложности быта незамужних, но воспитывавших в одиночку детей, мало зарабатывавших, обремененных заботами.

**«Несли массу общественных нагрузок»:
женский активизм 1950—1960-х гг. в женской памяти,
материалах местной печати и отчетах партактива**

И все же активистки женских комитетов не были формальными исполнительницами чужой воли. Они были работницами, женами, матерями — но при этом не могли жить, замкнувшись в своих квартирах. В условиях осторожного обновления системы коммунально-бытового обслуживания и медленной переориентации внутренней политики на проблемы индивидуальных бытовых запросов вне рабочее время трудящихся женщин являло собой сложную констелляцию забот по дому (доставание продуктов, готовка, уборка, обеспечение одеждой родных и детей), удовлетворения потребностей в культурном досуге (чтение, кино), поддержания здоровья и заботы о нем (от соблюдения гигиены и посещения врачей до спортивных увлечений) и массы иных обыденных хлопот. И были женщины, которые в недолгие часы своего свободного времени вписывали-таки общественную активность, в частности работу в женских комитетах.

На одной из местных партийных конференций 1954 г. выступающие прямо признавались, что немногие работницы могли похвастаться наличием лишних часов на успешную общественную работу [там же, л. 29—30]. Первые социологические опросы начала 1960-х гг. показали, что в целом (по стране) опрошенные женщины реже и меньше мужчин занимались общественной работой: вообще ею пренебрегали 27 % (против 16,2 % мужчин), политучебу игнорировали 61,7 % (против 51 % мужчин), зато несколько больше женщин понимали нужность и ценность самообразования: 62 % (против 54 % опрошенных мужчин) [Грушин, 2001: 451].

Кто мог отдаваться общественной работе в рассматриваемые десятилетия? Прежде всего более образованные и организованные, умевшие вписать другой вид деятельности в бюджет своего времени. Обращение к эго-документам эпохи, сохраненным местным архивом, выявило, например, сталинградского/волгоградского

¹ Партийная конференция Красноармейского района // Сталинградская правда. 1954. 16 января (№ 13).

хирурга Зинаиду Сергеевну Седельникову. Молодая (1920 года рождения), бездетная, имевшая мужа и домашнюю помощницу, она вполне могла нести, помимо рабочей, еще и общественную нагрузку. Не без удовольствия она подробно описывала ее в дневнике, в том числе с особой радостью рассказывала о том, как вместе со студентами отправлялась ежегодно в колхоз для помощи в сборе урожая [ГАВО, ф. Р-6880, оп. 6, д. 22, л. 13]. Понимая, что общественная активность в молодости может быть монетизирована при получении пенсии, она не забывала упоминать в дальнейшем об этих эпизодах в своей автобиографии, прямо так и писала, что ранее «несла массу общественных нагрузок», «кроме врачебной работы, операций, дежурств, лекций и практических занятий» [там же, д. 71, л. 34]. Возможно, именно бездетность позволила ей не только успешно защитить кандидатскую диссертацию, работать оперирующим хирургом и преподавателем, но и быть народным заседателем областного суда, председателем медицинской секции общества «Знание», лектором-пропагандистом, заполнять свободное время посещением театров, музеев [там же, д. 142, л. 1].

Воспитывать детей, но при этом играть активную роль в общественной деятельности удавалось волгоградской партработнице Полине Андреевне Дубицкой (1925 года рождения) — одной из участниц областного слета женщин Волгограда и области 1967 г. [ЦДНИВО, ф. 914, оп. 1, д. 50, л. 14—15]. Женщины зрелого возраста, очевидно, чаще могли уделять время и отдавать силы общественной работе, когда забота о детях уходила на второй план. Так, мать (1932 года рождения) одной из наших респонденток начала заниматься общественной деятельностью лишь к началу 1980-х гг., став депутатом городского Совета и сопредседателем товарищеского суда (прил., Т. А., 1954). Другая наша респондентка (1942 года рождения), несмотря на то, что и в юности принимала активное участие в общественной деятельности, наиболее полно смогла раскрыть себя в качестве общественницы/активистки лишь с взрослением детей — начиная с 1970-х гг., о чем и рассказала: *На керамический завод я перешла уже в 1970-м, руководила общежитием, 17 лет проработала. Проводили огоньки и слеты, а для матерей — медицинские лектории, встречи с местными писателями Окуневым, Мавродиевым, с участниками войны* (прил., Н. А., 1942).

С огромным уважением о своей матери (1924 года рождения) и с ненаносным оптимизмом о периоде «оттепели» рассказала одна из волгоградонок: *Моя мама участвовала в общественной жизни медсанчасти, где была секретарем парторганизации. Мама отстаивала права сестер, санитарок, пыталась для них что-то выбить. Помню маму ведущей партийное собрание, она вечно составляла протоколы, без нее не обходились уборка территории, ремонт и благоустройство... Работала одна на полторы ставки (родители разошлись), научила нас с сестрой быть самостоятельными, отвечать за свои поступки и принимать решения, она бурлила своей жизнью, такой у нее был характер. Это были 1960-е, годы надежд, тогда казалось, что должно что-то прийти — очень светлое и хорошее* (прил., Г. Ю., 1951). Показательные истории женщин с таким социальным настроем рада была публиковать местная печать, образ жизни этих горожанок ставился в пример другим². Региональные газеты

² Секретарь комитета комсомола // Молодой ленинец. 1953. 24 января (№ 17); Одна из лучших сверловщиц // Сталинградская правда. 1959. 18 марта (№ 64); Комсомолка Нина Карнаухова // Молодой ленинец. 1965. 10 сентября (№ 133).

и радиопередачи постоянно рассказывали не только о лучших производственницах³, но именно об общественных активистках⁴. Бесхитростными рассказами о тех «все успевавших женщинах», у которых находилось время для посещения «кружка художественной самодеятельности», где обучали «организовывать массовые игры», и которые были готовы работать «счетчиком на выборах», пестрели страницы газет [ГАВО, ф. Р-6174, оп. 2, д. 297, л. 147—148, 258]. В депутаты местных Советов старались выдвигать активных молодых незамужних особ, имеющих возможность и желание отдавать свободное время общественной работе [там же, д. 451, л. 87]. Бурной общественной активностью могли похвастаться далеко не все их ровесницы — замужние работницы-матери и матери-одиночки, которые с трудом успевали работать и вести домашнее хозяйство, воспитывать детей.

Показательна в этом смысле статья «Вышла замуж — уважительная причина?» в газете «Молодой ленинец» (1960. 15 января), где прямо говорилось: «Часто случается, что юноши и девушки, обзаведясь семьей, постепенно прекращают заниматься общественной работой». Действительно, большинству оказывалось не под силу нести бремя домашних дел и при этом сохранять общественные нагрузки. Газета приводила в пример некую Таю, обремененную семьей и домашним хозяйством, но благодаря помощи матери и мужа в воспитании ребенка прекрасно справлявшуюся «с обязанностями и дома, и в магазине, и в общественной жизни», и советовала всем остальным брать с нее пример. Однако читательницы таких очерков искренне недоумевали, как это возможно и откуда взять время для несемейной активности?

У многих из них — не занятых интеллектуальным трудом, а стоявших у станков — не хватало сил ни на какой внедомашний активизм. Работницы Центральной экспериментальной исследовательской швейной лаборатории Советского района Волгограда сообщали: *Политические информации проводить надо, (ведь. — Н. П., И. Б.) у нас большинство женщин очень заняты и не всегда смогут регулярно читать газеты, а проведение политических информации поможет держать наших работниц в курсе всех событий, происшедших за неделю как в нашей стране, так и за рубежом* [ЦДНИВО, ф. 12917, оп. 1, д. 1, л. 23—24]. Работницы женкомов на предприятиях жаловались на низкую посещаемость политических занятий, если они проводились после работы: *Нам, женщинам, очень трудно заниматься. Я живу за Волгой, дочь в первый класс пошла, не знаю, что и делать, то ли с дочерью заниматься, то ли самой* [там же, ф. 1405, оп. 1, д. 42, л. 86—95]. Бывало и так, что бывшие активистки, выйдя замуж, сокращали прежнюю вовлеченность в общественные занятия, и понимания со стороны идеологических структур это не встречало. Например, на одном из закрытых партийных собраний обсуждался вопрос о вступлении в партию некой А. Ф., которая до ухода в декрет принимала активное участие

³ По две сменные нормы выполняет... // Молодой ленинец. 1956. 12 февраля (№ 31); Она отлично работает // Там же. 1961. 17 марта (№ 54); Одной из лучших лаборанток // Волгоградская правда. 1965. 29 апреля (№ 100).

⁴ Бригада Екатерины Конновой // Сталинградская правда. 1952. 17 апреля (№ 92); Девушка с характером // Молодой ленинец. 1958. 4 января (№ 4); Машинист, новатор, депутат // Волгоградская правда. 1963. 8 марта (№ 57); Незамужние ткачихи составляют большинство // Молодой ленинец. 1967. 8 марта (№ 29).

в парторганизации, но с рождением ребенка работу забросила (выход из ситуации руководство увидело в необходимости воздействовать на мужа, чтобы он «не препятствовал» деятельности активистки) [там же, д. 20, л. 69—70].

Типичные для «оттепельного» СССР женские комитеты создавались и функционировали главным образом на предприятиях, где большинство работников составляли женщины. В протоколах партсобраний можно вычитать, какие вопросы волновали тогда активисток. Так, на швейной фабрике им. Крупской несколько собраний было посвящено вопросам ликвидации городского хулиганства среди учащихся [там же, ф. 340, оп. 1, д. 11, л. 5], но чаще участницы обсуждений поднимали вопрос о сокращении рабочего дня: *Женщина от домашней работы не освобождена. И жена, придя домой на час-два позже, должна также готовить обед, стирать и заниматься другими домашними делами* [там же, д. 12, л. 5—6]. Часто звучали жалобы на то, что «очень трудно провести после работы какое-либо мероприятие»: *...каждая женщина спешит быстрее к семье. Ведь у всех есть дети* [там же, д. 14, л. 55—56]. Отметим, что одна из опрошенных нами респонденток (1935 года рождения) охарактеризовала участие в общественной работе как вмененную обязанность: *Я работала мастером в ремонтно-строительной конторе, считалась ударницей коммунистического труда... На собраниях приходилось выступать, читка политинформации была каждую неделю, я должна была сама ходить и своих рабочих приводить. У меня на это было время, а у кого были дети — сбегали раньше домой, а мне слезть надо было, чтобы они присутствовали* (прил., Н. А., 1935).

Низкий уровень бытового обслуживания в нестоличных городах угнетал и расстраивал работниц. Они вынуждены были ставить на партсобраниях вопросы обеспеченности местами в детских садах, работы столовых и предприятий социально-бытового обслуживания населения, которые в начале 1960-х гг. в Волгограде еще только начинали распространяться.

Улучшение жилищно-бытовых условий, чему способствовало и массовое строительство жилья, и разветвление сети домов быта, стало возможным лишь во второй половине 1960-х гг., когда женские организации вышли за пределы отдельных предприятий и начали объединяться в общерайонные, а те — в общегородские. Понятное дело, что такие объединения происходили не стихийно. В октябре 1967 г. в Доме офицеров прошел 2-й съезд женщин Центрального района, на нем выступали секретари райкома, делегатки съезда, председатели женсоветов отдельных предприятий⁵. Немного позднее был проведен слет женщин металлургического завода «Красный Октябрь», посвященный 50-летию Советской власти, на него были приглашены женщины из других регионов страны⁶. Приурочивание обсуждения результатов работы женских комитетов к важным политическим датам становилось на рубеже 1960—1970-х гг. явлением времени [там же, ф. 127, оп. 17, д. 38, л. 1—44], и в начале 1970-х гг. женская общественная активность обрела настолько широкий размах, что пришла к международному сотрудничеству. Возможность поговорить о результатах работы с активистками женских организаций Чехословакии и Вьетнама в 1970 г. стала реальностью (поездки и встречи по «обмену опытом», который нарабатывали

⁵ Съезд женщин района // Волгоградская правда. 1967. 26 октября (№ 252).

⁶ Слет женщин // Там же. 2 ноября (№ 258).

районные женсоветы в сфере охраны женского труда, воспитания детей, обеспечения бытовыми услугами, в организации общественного питания) [там же, ф. 71, оп. 43, д. 24б, л. 2, 6—7, 25].

Таким образом, итогом выполнения решения Комитета советских женщин по созданию в стране сети *женских комитетов* [Музыря, Копейко, 1989: 20, 32] стало широкое распространение в конце 1950-х — начале 1960-х гг. в Сталинграде/Волгограде этой формы женской самоорганизации, инициированной — как это было и ранее в российской советской истории — сверху. Создание женкомов, с одной стороны, являлось формой ответа на безотлагательное требование общества срочно решать множество проблем из области социальной политики, обеспечения культурно-бытовых запросов советских семей. С другой — отражало общую демографическую ситуацию в стране, включая численность основных идеологических структур — ВЛКСМ и КПСС, в которых после войны женщины составляли вначале около 2/3, а после 1960 г. — более 1/2 списочной численности [РГАСПИ, ф. М-6, оп. 11, д. 102, л. 8]. Предложение о (вос)создании женсоветов (женских комитетов) в годы «оттепели» лежало также в русле «возвращения к ленинским нормам партийной жизни», о котором немало говорилось в годы принятия III Программы партии (1961 г.).

Создание женских комитетов освобождало госструктуры от выполнения части задач, связанных с семейно-бытовой сферой. Женщины, включавшиеся в работу комитетов, отчасти решали собственные семейные вопросы (в том числе желая обеспечить открытие яслей, садов, бань, аптек, удовлетворить товарный голод), попутно же они получали возможность обрести навыки организаторской работы, проявить лидерские качества. При этом никакой феминизации, «одевичивания» номенклатурных кадров «в обществе, сохранившем патриархальные традиции» не происходило, а «командирские замашки» молодых женщин могли вообще быть восприняты как осуждаемый недостаток, «отнюдь не работавший на авторитет союза молодежи» [Тамбовский комсомол... , 2010: 9]. Неслучайно по всей стране число женщин на руководящих общественных и партийных постах было ничтожно малым [Дорошина, 2015: 87].

В силу непомерной домашней загруженности внесемейная деятельность, связанная с производственной и партийной работой, была для большинства женщин практически неосуществима, на нее просто не оставалось времени. Женские комитеты, предлагаемые как форма усиления женской солидарности в решении бытовых вопросов, долго не просуществовали. Одним из них не хватало кадров, другим финансирования. Небольшие «женактивы» отдельных предприятий оказались неспособны решить вопросы социального обеспечения, на все была воля иных, куда более крупных структур, до которых было не достучаться. Однако в конце рассматриваемого периода с постепенным улучшением жилищно-бытовых условий, т. е. не ранее второй половины 1960-х гг., часть молодых женщин, и в особенности женщин зрелого возраста, получили возможность отойти от домашних дел и заняться делами общественными, совмещая (как от них и ожидалось) социальную роль работницы, жены, матери и общественницы.

Список источников

- Богдашина И. В.* Досуг и отдых в социокультурной памяти горожанок нестоличного региона в 1950—1960-е гг. на материалах г. Волгограда // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: История России. 2021. Т. 20, № 2. С. 295—304.
- Васильева Л. Е.* Роль женщины в социально-экономической и политической сферах жизни советского общества в 1945—1965 гг.: на материалах Саратовской области: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2004. 26 с.
- ГАВО (Государственный архив Волгоградской области).
- Грушин Б. А.* Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. Жизнь первая: эпоха Хрущева. М.: Прогресс-Традиция, 2001. 624 с.
- Дорошина М. М.* Корпус первых секретарей областного, городских и районных комитетов комсомола Тамбовской области (1937—1991): дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2015. 248 с.
- Имангалиева А. М.* Деятельность профсоюзных организаций Сталинградской области в восстановительный период (1943 — начало 1950-х гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Астрахань, 2013. 27 с.
- Каменова Г. Н.* Деятельность женсоветов в решении социальных вопросов: история и современность // Кант. 2014. № 1. С. 82—86.
- Минеева Е. К.* Роль женотдела ЦК РКП(б) по укреплению семьи в Советском государстве: (исторические уроки 1919—1930 гг.) // Современная научная мысль. 2020. № 1. С. 51—54.
- Музыря А. А., Копейко В. В.* Женсовет: опыт, проблемы, перспективы. М.: Политиздат, 1989. 190 с.
- Пушкарева Н. Л., Богдашина И. В.* Источники личного происхождения по истории женской советской провинциальной повседневности 1950—1960-х гг. // Вестник архивиста. 2021. № 1. С. 93—104.
- Пушкарева Н. Л., Жидченко А. В.* Советские горожанки в годы хрущевской оттепели глазами англоязычных авторов // Новейшая история России. 2021. Т. 11, № 3. С. 776—791.
- Пушкарева Н. Л., Жидченко А. В.* Память о «зеленом строительстве» в Омске 1950—1960-х гг.: гендерный аспект // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. 2022. Т. 24, № 4. С. 37—52.
- РГАСПИ (Российский государственный архив социально-политической истории).
- Такташева Ф. А.* Государственная политика в отношении женщин в СССР в 1943 — начале 1950-х гг.: (по материалам Сталинградской области): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Астрахань, 2012а. 22 с.
- Такташева Ф. А.* Роль женщин в восстановлении народного хозяйства Сталинградской области (1943 — начало 1950-х гг.) // Женщина в российском обществе. 2012b. № 1. С. 49—55.
- Такташева Ф. А.* Участие женщин в политической и общественной жизни послевоенного общества: (на примере Сталинградской области 1943—1950-х гг.) // Государство, общество, церковь в истории России XX—XXI веков: материалы XIV Международной научной конференции, Иваново, 18—19 марта 2015 г. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2015. С. 556—563.
- Тамбовский комсомол: грани истории, 1946—1991 / под ред. А. А. Слезина. Тамбов: Юлис, 2010. 384 с.
- ЦДНИВО (Центр документации новейшей истории Волгоградской области).

References

- Bogdashina, I. V. (2021) Dosug i otdykh v sotsiokul'turnoi pamiati gorozhanok nestolichnogo regiona v 1950—1960-e gg. na materialakh g. Volgograda [Leisure and recreation in the socio-cultural memory of urban women in the 1950 and 1960s based on materials from Volgograd], *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov*, seriia Istoriiia Rossii, vol. 20, no. 2, pp. 295—304.
- Doroshina, M. M. (2015) *Korpus pervykh sekretareĭ oblastnogo, gorodskikh i raionnykh komitetov komsomola Tambovskoi oblasti (1937—1991)*: Dis. ... kand. ist. nauk [Corps of First Secretaries of the regional, city and district Komsomol Committees of the Tambov region (1937—1991): Diss. (Cand. Sc.)], Tambov.
- Grushin, B. A. (2001) *Chetyre zhizni Rossii v zerkale oprosov obshchestvennogo mneniia. Zhizn' pervaia: Epokha Khrushchĕva* [Four lives of Russia in the mirror of public opinion polls. Life one: The Khrushchev era], Moscow: Progress-Traditsiia.
- Imangalieva, A. M. (2013) *Deiatel'nost' profsoiuznykh organizatsii Stalingradskoi oblasti v vosstanovitel'nyi period (1943 — nachalo 1950-kh gg.)*: Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk [Activities of trade union organizations of the Stalingrad region in the recovery period (1943 — early 1950s): Synopsis of a thesis (Cand. Sc.)], Astrakhan.
- Kameneva, G. N. (2014) Deiatel'nost' zhensovvetov v reshenii sotsial'nykh voprosov: istoriia i sovremennost' [The activities of women councils in the decision of social questions: history and modernity], *Kant*, no. 1, pp. 82—86.
- Mineeva, E. K. (2020) Rol' zhenotdela Tsentral'nogo komiteta RKP(b) po ukrepleniiu sem'i v Sovetskom gosudarstve: (Istoricheskie uroki 1919—1930 gg.) [The role of zhenotdel of the Central Committee of RCP(b) on strengthening of family in the Soviet state: (Historical lessons of 1919—1930s)], *Sovremennaia nauchnaia mysl'*, no. 1, pp. 51—54.
- Muzyrya A. A., Kopeiko V. V. (1989) *Zhensovnet: opyt, problemy, perspektivy* [Women's Council: experience, problems, prospects], Moscow: Politizdat.
- Pushkareva, N. L., Bogdashina, I. V. (2021) Istochniki lichnogo proiskhozhdeniia po istorii zhenskoĭ sovetskoĭ provintsial'noi povsednevnosti 1950—1960-kh gg. [Personal provenance sources on the history of provincial daily life of Soviet women in the 1950—1960s], *Vestnik arkhivista*, no. 1, pp. 93—104.
- Pushkareva, N. L., Zhidchenko, A. V. (2021) Sovetskie gorozhanki v gody khrushchĕvskoi ottepeli glazami angloiazychnykh avtorov [Soviet women in the years of the “Khrushchev's thaw” in English language publications], *Noveishaia istoriia Rossii*, vol. 11, no. 3, pp. 776—791.
- Pushkareva, N. L., Zhidchenko, A. V. (2022) Pamiat' o “zelenom stroitel'stve” v Omske 1950—1960-kh gg.: gendernyi aspekt [Memory of “green construction” in Omsk in the 1950s—1960s: gender aspect], *Izvestiia Ural'skogo federal'nogo universiteta*, seriia 2, Gumanitarnye nauki, vol. 24, no. 4, pp. 37—52.
- Slezin, A. A. (ed.) (2010) *Tambovskii komsomol: grani istorii, 1946—1991* [Tambov Komsomol: facets of history, 1946—1991], Tambov: Iulis.
- Taktasheva, F. A. (2012a) *Gosudarstvennaia politika v otnoshenii zhenshchin v SSSR v 1943 — nachale 1950-kh gg.: (Po materialam Stalingradskoi oblasti)*: Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk [State policy towards women in the USSR in 1943 — early 1950s: (Based on the materials of the Stalingrad region): Synopsis of a thesis (Cand. Sc.)], Astrakhan.
- Taktasheva, F. A. (2012b) Rol' zhenshchin v vosstanovlenii narodnogo khoziaĭstva Stalingradskoi oblasti (1943 — nachalo 1950-kh gg.) [Women's role in reconstruction of national economy in Stalingrad region (1943 — beginning of the 1950th)], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, pp. 49—55.
- Taktasheva, F. A. (2015) Uchastie zhenshchin v politicheskoi i obshchestvennoi zhizni poslevoennogo obshchestva: (Na primere Stalingradskoi oblasti 1943—1950-kh gg.)

[Participation of women in the political and public life of post-war society: (Using the example of the Stalingrad region in the 1943—1950s)], in: *Gosudarstvo, obshchestvo, tserkov' v istorii Rossii XX—XXI vekov: Materialy XIV Mezhdunarodnoĭ nauchnoĭ konferentsii*, Ivanovo, 18—19 marta 2015 g., Ivanovo: Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, pp. 556—563.

Vasilyeva, L. E. (2004) *Rol' zhenshchiny v sotsial'no-ekonomicheskoi i politicheskoi sferakh zhizni sovetskogo obshchestva v 1945—1965 gg.: Na materialakh Saratovskoi oblasti*: Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk [The role of women in the socio-economic and political spheres of the life of Soviet society in 1945—1965: Based on the materials of the Saratov region: Synopsis of a thesis (Cand. Sc.)], Saratov.

Приложение

Полевые материалы авторов, г. Волгоград

Н. А., 1935 — Нина Афанасьевна, 1935 г. р., Сталинград, русская. Запись 18.08.2023.

Л. И., 1939 — Лилия Ивановна, 1939 г.р., Сталинград, русская. Запись 26.08.2020.

Н. А., 1942 — Нелли Андреевна, 1942 г. р., с. Кознаковка, немка. Запись 26.06.2019.

А. И., 1948 — Антонина Ивановна, 1948 г. р., Сталинград, русская. Запись 26.07.2019.

Г. Ю., 1951 — Галина Юрьевна, 1951 г. р., Сталинград, русская. Запись 29.08.2019.

Т. А., 1954 — Татьяна Александровна, 1954 г. р., Сталинград, русская. Запись 27.08.2019.

Статья поступила в редакцию 19.08.2023; одобрена после рецензирования 04.09.2023; принята к публикации 25.09.2023.

The article was submitted 19.08.2023; approved after reviewing 04.09.2023; accepted for publication 25.09.2023.

Информация об авторах / Information about the authors

Пушкарева Наталья Львовна — доктор исторических наук, профессор, заведующая Центром гендерных исследований, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, г. Москва, Россия, pushkarev@mail.ru (Dr. Sc. (History), Professor, Head of the Center for Gender Studies, N. N. Miklouho-Maclay Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation).

Богдашина Ирина Владимировна — кандидат исторических наук, Центр гендерных исследований, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, г. Москва, Россия; ассистент кафедры истории и международных отношений, преподаватель Университетского колледжа, Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия, i.bogdashina@volsu.ru (Cand. Sc. (History), Center for Gender Studies, N. N. Miklouho-Maclay Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation; Assistant at the Department of History and International Relations, Lecturer at the University College, Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation).